

УДК 329.4(474.2)

doi: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.031-047

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Евроскептицизм в дискурсе «русских партий» Эстонии

С. А. Тамби

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)
sergey.tambi@gmail.com*

Аннотация

Введение. Для партийно-политической системы Эстонии с традиционно возглавляющими ее еврооптимистическими элитами ранее было характерно наличие целого ряда «русских политических партий», традиционно исповедовавших евроскептицизм и критиковавших Европейский союз в целом или отдельные направления его деятельности. Цель исследования – определить специфические черты евроскептического партийного дискурса «русских партий» в Эстонии.

Материалы и методы. Информационную основу исследования составили результаты, полученные с применением совокупности компаративного метода (метода сравнительного анализа) и метода дискурс-анализа. Для проведения исследования выбран дизайн в стиле одиночного кейс-стади. Данные, полученные в результате использования метода дискурс-анализа, позволили изучить индикаторы евроскептического дискурса «русских партий» и обработать их программы, манифесты, предвыборные платформы, а также заявления их высокопоставленных представителей.

Результаты исследования. Выявлено, что использование «русскими партиями» евроскептицизма при ориентации на русскоязычную диаспору страны в ряде случаев показало некоторую эффективность, позволив мобилизовать электорат среди русскоязычных граждан. Однако установлено, что для небольших маргинальных «русских партий» Эстонии это не продемонстрировало продуктивности и пользы, так как такие усилия не принесли им значительного количества голосов на выборах разного уровня. Большинство из них, придерживаясь протестных евроскептических деклараций, так и не смогли принять участие в «большой политике» Эстонии и не реализовали свою евроскептическую политическую повестку.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что специфической чертой евроскептического партийного дискурса большинства «русских партий» Эстонии является его нацеленность на прагматизм для проживающих в этой стране этнических русских жителей в виде конкретных полезных для них результатов: стремление через апеллирование к Брюсселю улучшить имеющееся дискриминационное положение этнического русского населения в Эстонии, решить проблему неграждан, наконец, наладить хорошие отношения Эстонии с ее восточным соседом – Россией. Результаты исследования могут найти свое применение в академической деятельности вузов России, а также представлять интерес для политологов и регионоведов, изучающих политические процессы в Прибалтике.

Ключевые слова: Эстонская Республика, Европейский союз, «русские партии» в Эстонии, евроинтеграция в Эстонии, евроскептицизм в Эстонии, российско-эстонские взаимоотношения

© Тамби С. А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Тамби С. А. Евроскептицизм в дискурсе «русских партий» Эстонии // Региология. 2024. Т. 32, № 1. С. 31–47. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.031-047>

Original article

Euroscepticism in the Discourse of “Russian Parties” in Estonia

S. A. Tambi

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
sergey.tambi@gmail.com

Abstract

Introduction. The party-political system of Estonia, with traditionally Euro-optimistic elites leading it, was previously characterized by the presence of a number of so-called “Russian political parties”, which traditionally professed Euroscepticism and criticized the European Union as whole or certain areas of its activities. The purpose of the article is to determine the specific features of the Eurosceptic party discourse of “Russian parties” in Estonia.

Materials and Methods. The information basis of the paper consisted of the results obtained using a combination of the comparative method (method of comparative analysis) and the method of discourse analysis. A single case study design was chosen for the paper. The data obtained as a result of using the discourse analysis method made it possible to study the indicators of the Eurosceptic discourse of “Russian parties” and process their programs, manifestos, electoral platforms, as well as statements of their high-ranking representatives.

Results. It was revealed that the use of Euroscepticism by the analyzed “Russian parties” when targeting the Russian-speaking diaspora of the state in a number of cases (for example, in case of the Estonian Center Party) has shown some efficacy, allowing it to mobilize the electorate among Russian-speaking citizens. However, it was found that for small marginal “Russian parties” in Estonia this did not demonstrate productivity and benefit, since such efforts did not bring them a significant number of votes in elections at various levels. Most of them, adhering to Eurosceptic protest declarations, were never able to take part in “mainstream politics” of Estonia; thereby they failed to implement their Eurosceptic political agenda.

Discussion and Conclusion. The results allow us to conclude that a specific characteristic of the Eurosceptic party discourse of the majority of “Russian parties” in Estonia is its focus on pragmatism for ethnic Russian residents living in this state in the form of concrete results that are useful for them: the desire to improve the existing discriminatory position of ethnic Russian population in Estonia through appealing to Brussels, to solve the problem of so called non-citizens, and, finally, to establish good relations between Estonia and its eastern neighbor state – Russia. The results of this study can find application in the academic activities of universities in our country, may be of interest to political and regional scientists studying political processes in the Baltic States.

Keywords: Republic of Estonia, European Union, “Russian parties” in Estonia, European integration in Estonia, Euroscepticism in Estonia, Russian-Estonian relations

Conflict of interests. The author declares no conflict of interest.

For citation: Tambi S.A. Euroscepticism in the Discourse of “Russian Parties” in Estonia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(1):31–47. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.031-047>

Введение. Государственное строительство в Эстонии после восстановления ее независимости в 1991 г. по модели «нация-государство» столкнулось с рядом проблем. По мнению эстонских исследователей, этот процесс с самого начала «осложнялся» присутствием русскоязычного меньшинства [1]. Все попытки завершить его интеграцию наталкиваются на сформированную местными русскими

жителями особую коллективную историческую память [2], отличающуюся от коллективной памяти этнических эстонцев. Русскоязычные жители Эстонии, имеющие сравнительно небольшое присутствие в политических институтах на национальном уровне, не испытывают удовлетворения от демократических процессов в стране [3]. Начиная с 1991 г. и вплоть до наших дней в руководимой еврооптимистическими («Брюсселе-ориентированными») политическими элитами Эстонии традиционно высоким является уровень общественного евроскептицизма, разделяемого значительной частью проживающих в этой стране русскоязычных жителей [4]. Существенен также и партийный евроскептицизм, транслируемый в разное время различными «русскими партиями» Эстонии. Актуальность настоящего исследования исходит из того, что для значительной части всех *эстоноземельцев* (т. е. не только для этнических эстонцев, но и для местных русскоязычных жителей Эстонии) традиционной и характерной является довольно высокая восприимчивость к евроскептической риторике, исходящей в том числе и от «русских партий» Эстонии. Значительная часть русскоязычных граждан этой страны традиционно полагает, что членство Эстонии в Европейском союзе (далее – ЕС), а также расширение/углубление евроинтеграции создают реальные препятствия для социальной сплоченности в Эстонии. И в наши дни «главным языком» евроскептицизма в этом прибалтийском государстве продолжает оставаться русский язык.

Компактное проживание русскоязычных жителей в некоторых регионах Эстонии формирует в них специфическую русскоязычную среду, выступающую в таких уездах главным субъективным фактором при голосовании. По оценке на 2023 г., общее число русских в Эстонии составило 306 801 чел. (или 22,5 % от общей численности населения страны)¹. По данным на 1 января 2023 г., число так называемых *неграждан* в Эстонии (среди них – преимущественно русскоязычные жители) составляло 64 297 чел. (или 4,7 % от всего населения). В электоральном поведении русскоязычных граждан Эстонии доминирующее положение занимает этнолингвистическое размежевание (раскол).

Цель исследования – определить уникальные отличительные черты, присущие евроскептицизму, исповедуемому «русскими партиями» в Эстонской Республике. Исходя из цели поставлены следующие задачи: определить евроскептическую составляющую в программных документах, политической практике «русских партий» Эстонии и риторике их лидеров; проследить эволюцию евроскептического партийного дискурса таких партий; классифицировать данные партии Эстонии на «жестких» и «мягких» евроскептиков; определить факторы, обусловившие наличие евроскептических позиций, которые поддерживаются «русскими партиями».

Политический дискурс является дискурсом политических деятелей. Он базируется на массиве партийных программ, дебатов на заседаниях в национальном парламенте (в эстонском случае – в избираемом на четыре года 101-местном однопалатном Рийгикогу), обсуждений на заседаниях правительства, а также

¹ Population by Sex, Ethnic Nationality and County, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvastik_rahvastikunaitajad-ja-koosseis__rahvaarv-ja-rahvastiku-koosseis/RV0222U (дата обращения: 30.08.2023).

выступлений самих политических деятелей, их риторики [5]. Предвыборный партийный дискурс является особой разновидностью политического дискурса, который словно бы «пристегнут» к конкретному временному интервалу, а также к месту проведения определенной предвыборной кампании². К партийно-политическому дискурсу относятся партийные документы (манифесты, программы, заявления), а также речи, статьи и интервью партийных функционеров.

Чрезвычайно важным является попытка понять модальность евроскептического политического потенциала «русских партий» Эстонии по отношению к России, в особенности с учетом произошедшей в 2019–2021 гг. значительной *деевропеизации* внешней политики Эстонии ввиду функционирования в эти годы «самого антиевропейского» правительства с участием партии «жестких» евроскептиков [6]. Отметим также, что вступление Эстонии в ЕС в 2004 г. не повлияло на улучшение российско-эстонских отношений и положения русскоязычного меньшинства (чего всячески добивались, напрямую апеллируя к Брюсселю, «русские партии» Эстонии). С годами статус русскоязычных жителей в этой прибалтийской стране даже в некоторой степени осложнился. В последние годы между Россией и Эстонией (страной, на востоке которой проходит «внешняя граница» ЕС и где критическое отношение к Евросоюзу становится все более заметным) возник глубокий раскол [7].

В нашем исследовании используется классическая классификация евроскептицизма на «мягкий» и «жесткий» [8]. Последняя разновидность евроскептицизма все больше ассоциируется со странами Центрально-Восточной Европы [9]. Примерно к середине 2000-х гг. эстонской партийно-политической системе стала присуща значительная степень национализации, причем как на национальном уровне, так и более концентрированно – на местном уровне [10]. На выборах в Эстонии русскоязычный избиратель традиционно имеет весьма ограниченный выбор наиболее подходящих для него и наиболее полно учитывающих его специфические интересы политических партий. «Русские» евроскептические партии Эстонии традиционно оказывали значительное влияние на русскоязычное сообщество этой страны, однако большинство из них исповедовали «мягкий», а не «жесткий» (в его представлении как устойчивой и укорененной идеологии, реализуемой на практике) евроскептицизм [11].

Из общей категории «русские партии» Эстонии позволим себе выделить две ее условные составляющие. С одной стороны, это «чисто русские партии» Эстонии, состоящие преимущественно из русскоязычных членов, основной, а порой и единственной, задачей которых является защита русскоязычного населения страны, с другой – «условно русские партии» Эстонии, также известные как «русскоязычные партии» или «партии русских». К «чисто русским» партиям Эстонии, евроскептицизм которых рассмотрен в настоящем исследовании, отнесем следующие ранее функционировавшие в стране партии: Объединенная народная партия Эстонии (она же – Конституционная партия), Русская партия Эстонии и Русско-Балтийская партия Эстонии. Уже более десяти лет «чисто русские» партии Эстонии, растеряв свой политический капитал, принадлежат

² Корниенко А. В. Предвыборный партийный дискурс в лингвосociологической перспективе // Символическая политика : сб. науч. тр. М., 2015. Вып. 3. С. 300.

истории (в 2012 г. из Регистра политических партий была исключена последняя такая политическая сила – Русская партия Эстонии), хотя периодически в этой прибалтийской стране появляются так пока и не реализованные на практике проекты создания русских этнических партий.

Также остановимся на рассмотрении евроскептицизма «условно русских» партий Эстонии, действующих в настоящее время, а именно крупнейшей партии в стране – Центристской партии Эстонии (ее традиционно называют именно «русской» из-за внушительного «русского крыла» внутри себя и за активную защиту в том числе и интересов русских жителей, что в целом не свойственно для националистического эстонского *политикума*), а также маргинальной политической силы под названием «Организация Коос указывает на суверенитет». Особо подчеркнем условность разделения «русских партий» на две составляющие («чисто русские» и «условно русские»): так, в рядах «чисто русских» партий Эстонии всегда присутствовало значительное число этнических эстонцев или лиц смешанного русско-эстонского происхождения (например, к 1998 г. каждый десятый сторонник «чисто русской» Объединенной народной партии Эстонии являлся этническим эстонцем)³.

Обзор литературы. К числу основных современных исследований и публикаций по тематике евроскептицизма в Эстонии, на которые опирается настоящее исследование, относится работа П. Таггарта и А. Щербяка [12], в которой предложено классическое разделение евроскептицизма на «жесткий» (*hard*) и «мягкий» (*soft*). Первый вариант евроскептицизма предполагает наличие требования о пересмотре условий вхождения государства в ЕС вплоть до выхода из него; «мягкий» вариант признает положительные аспекты европейской интеграции и не приемлет лишь некоторые «общие политики» ЕС (противоречащие национальным интересам стран какие-либо отдельные направления деятельности), подразумевая реорганизацию механизмов функционирования институтов ЕС, т. е. проведение фундаментальных реформ внутри ЕС при сохранении функционирования самого Евросоюза.

При обзоре научных исследований, посвященных данной теме, выделим работу В. Везбеля, утверждающего, что евроскептицизм в Эстонии в основном базируется на чисто экономической рациональности [13]. Другие авторы рассматривают особенности евроскептически настроенного эстонского электората [14]; анализируют отношение Эстонии к евроинтеграции и выявляют присутствовавшие во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. нарративы в евроскептицизме [15; 16].

Немало работ посвящено анализу деятельности политических партий Эстонии. Так, Л. Виеренга изучил систему убеждений, цели и политическую роль евроскептической Консервативной народной партии Эстонии [17], а Т. Бекишас выявил позиции некоторых эстонских политических партий по отношению к ЕС, придя к выводу, что они не всегда отражают позиции своих избирателей в отношении Евросоюза [18]. В. В. Воротников утверждает, что евроскептицизм в Эстонии не имеет институционализированного характера

³ Andrejev A. Ühist maja ehitatakse koos [Электронный ресурс]. URL: <https://epl.delfi.ee/artikkel/50751173> (дата обращения: 14.09.2023).

и отмечает его весьма слабую консолидацию в рамках имеющейся эстонской партийной системы [19].

Определенные затруднения при разработке данной темы заключаются в неоднородности и социально-экономической фрагментированности русской общины Эстонии [20], в которой, помимо евроскептиков, представлена небольшая, но все более расширяющаяся группа так называемых *еврорусских*, настроенных по большей части еврооптимистично. Имеется и фрагментация русскоязычного электорального поля Эстонии. Трудность также возникает в связи с ориентацией «условно русских» партий страны (в особенности Центристской партии Эстонии) не только на русскоязычных жителей, но и на этнических эстонцев и наличием у них, в связи с этим, двух (порой совершенно разных) политических повесток, обращенных к представителям двух общин Эстонии – русскоязычной и эстоноязычной.

Таким образом, принимая во внимание наличие существенного крена имеющих работ в сторону рассмотрения евроскептицизма КНПЭ, актуальность настоящего исследования вытекает из отсутствия в отечественной и зарубежной историографии научных работ, специально посвященных комплексному изучению уникальной природы евроскептицизма «русских партий», существовавших ранее или существующих в настоящее время в *политикуме* Эстонской Республики.

Материалы и методы. Объектом настоящего исследования выступает евроскептический элемент в дискурсе «русских партий» Эстонии. Работа призвана ответить на следующие исследовательские вопросы: 1) какова специфическая характеристика евроскептицизма «русских партий» Эстонии; 2) какие лозунги в политической линии этих политических партий привлекают значительное внимание русскоязычных избирателей Эстонии?

При проведении исследования изначально были отобраны текстовые материалы – институциональные (т. е. созданные политиками) тексты, официальные партийные документы, программы, манифесты, заявления партийных руководителей и влиятельных членов «русских партий» Эстонии и интервью с ними. Эмпирическую базу исследования составили партийные программы и другие документы пяти «русских партий» Эстонии. Общий объем выборки – 10 партийных программ, манифестов, платформ (в том числе предвыборных) и официальных заявлений, а также семь интервью в различных СМИ с высокопоставленными партийными функционерами «русских партий» Эстонии.

Для анализа текстовых материалов были использованы следующие методы: компаративный (метод сравнительного анализа) – для сравнения целей и задач евроскептических «русских партий», выявления специфики их евроскептической направленности в ракурсе определенной проблемы, сопоставления признаков и базовых идеологем таких партий, а также метод дискурс-анализа. Для проведения исследования выбран дизайн в стиле одиночного кейс-стади (*single case study*).

Исследование реализовано в несколько этапов. Во-первых, собран массив партийных программ, манифестов и платформ «русских партий» Эстонии, заявлений их лидеров и влиятельных членов по отношению к общей идее евроинтеграции Эстонии и различных аспектов деятельности Евросоюза. Во-вторых, проведен качественный контент-анализ текстов на предмет отношения

«русских партий» Эстонии к Евросоюзу. В-третьих, на основе определения положительного/отрицательного отношения партии к ЕС и евроинтеграции, (не)поддержки по конкретным направлениям политики ЕС (например, международные отношения, экономика и т. д.), а также посредством определения признаков доверия/недоверия этих партий к ЕС были выявлены евроскептические элементы. Соответствующие партии были классифицированы как «жесткие» или «мягкие» евроскептики.

Результаты исследования. Разрозненные маргинальные «чисто русские» политические партии Эстонии, являвшиеся выразителями интересов местного русскоязычного населения, в 2000-х гг. окончательно утратили свое представительство в эстонском национальном парламенте. Уже в 2003 г. ни одна из них не смогла попасть в Рийгикогу, с тех пор они пребывали в маргинальном положении, а несколько позднее и вовсе прекратили свое существование (в 2012 г. произошло слияние Русской партии Эстонии с Социал-демократической партией Эстонии). Деятельность, однако, продолжили партии из категории «условно русских». Например, Центристская партия Эстонии окончательно стала настоящим монополистом в русскоязычном электоральном сегменте страны.

Русская партия Эстонии. В 1995 г. Русская партия Эстонии (далее – РПЭ), образовав с Объединенной народной партией Эстонии избирательный союз «Наш дом – Эстония», получила представительство в эстонском парламенте (двум партиям досталось шесть мест). В 1996 г. РПЭ прошла в Таллинское городское собрание, в котором создала свою фракцию. Также была образована фракция «Наш выбор» (председатель – Л. Михайлов), в которую вошли депутаты от Объединенной народной партии Эстонии. В разные периоды времени РПЭ имела представительство в Калласте, Нарве и Палдиски. К 1998 г. партия поставила перед собой так и не реализованную цель – продвижение «нейтрального статуса» для Эстонии. Программным требованием РПЭ (не было осуществлено) стала необходимость проведения подлинно всенародного референдума (т. е. в котором бы приняли участие также и лица без гражданства) для вступления Эстонии в ЕС⁴.

В предвыборной платформе⁵ РПЭ к выборам в Рийгикогу в 1999 г. присутствовали следующие положения: способствование переговорному процессу Эстонии по вопросам евроинтеграции; приведение эстонского законодательства в соответствие с требованиями ЕС; вынесение на подлинно всенародный референдум вопроса о вступлении Эстонии в ЕС. В платформе⁶ партии к выборам в парламент в марте 2003 г. имелось требование (так и не воплощенное в жизнь) о предоставлении в период до проведения евроферендума гражданства Эстонской Республики всем родившимся на территории Эстонии (без какого-либо исключения), а также обладателям «паспорта иностранца» (негражданина), которые имели в Эстонии постоянный вид на жительство.

⁴ Программа Русской партии Эстонии [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20050308080025/http://www.hot.ee/rpe/rus/ru_prog.htm (дата обращения: 12.09.2023).

⁵ Предвыборная платформа Русской партии Эстонии (парламентские выборы 1999 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20050115203622/http://www.hot.ee/rpe/rus/ru_pro99.htm (дата обращения: 06.09.2023).

⁶ Платформа Русской партии Эстонии к выборам в Рийгикогу 2 марта 2003 года [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20050308081805/http://www.hot.ee/rpe/rus/platforma.htm> (дата обращения: 22.08.2023).

В 1999 г. председатель РПЭ Н. Маспанов опасался, что присоединение Эстонии к Евросоюзу может нарушить устойчивость экономики страны⁷. Неправильным, по его мнению, было и отсутствие предусмотренного «выхода» страны из Евросоюза. Он утверждал, что власти Эстонии, желая вступить в ЕС, забывают о чрезвычайно высокой стоимости, которую придется заплатить за членство в нем⁸. Следующий руководитель РПЭ С. Черепанов утверждал, что только создание *Русской культурной автономии* является единственной возможностью, способной «сохранить русских в Эстонии именно как русских. По его мнению, такая *нетерриториальная автономия* стала бы «легитимным субъектом» для взаимоотношений как с Эстонией и ЕС, так и с Россией, и лишь с помощью нее в ближайшей перспективе представилось бы возможным добиться признания русских жителей Эстонии национальным меньшинством *de jure*⁹.

В программе РПЭ¹⁰, принятой после вхождения Эстонской Республики в Евросоюз, отмечается, что явление *неграждан* в стране необходимо искоренить, но уже исходя из особенностей законодательства ЕС. Ратовавшая за обеспечение равных прав для всех жителей страны, эта партия также отдельно подчеркивала, что суверенная Эстонская Республика должна «громко и четко» заявлять о своих национальных интересах на уровне Евросоюза. В 2009 г. на выборах в Европарламент РПЭ получила лишь 0,32 % голосов. Таким образом, РПЭ стояла на позиции «мягких евроскептиков».

Русско-Балтийская партия Эстонии. Позиционировавшая себя в качестве «мягких» евроскептиков, а также как своеобразный «мост» между эстонским государством и проживающими в нем русскоязычными жителями Русско-Балтийская партия Эстонии в целом стояла на центристских позициях и была нацелена как на скорейшее решение многочисленных проблем русскоязычных жителей, так и на полную интеграцию последних в эстонское общество. В 2002 г. Русско-Балтийская партия отмечала, что «непоправимое» может произойти в том случае, если страна вступит в Евросоюз со следующим лозунгом: «В Эстонии нет русских жителей»¹¹.

Объединенная народная партия Эстонии. Объединенная народная партия Эстонии (далее – ОНПЭ; с 2006 г. – Конституционная партия) образована в 1994 г.; в 1999–2003 гг. была представлена шестью депутатами в Рийгикогу. Большинство ее членов составляли русскоязычные граждане. ОНПЭ являлась относительно еврооптимистической партией (показательно ее программное утверждение о «большой важности» для Эстонии вступить в политические и экономические

⁷ О Русской партии Эстонии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moles.ee/99/Mar/06/7-1.html> (дата обращения: 19.05.2023).

⁸ Конкретный разговор [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moles.ee/99/Sep/13/3-1.html> (дата обращения: 05.08.2023).

⁹ Черепанов С. Арифметика для русских [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20070702192713/http://www.rusparty.ee/?smg=16&schg=17&data=87> (дата обращения: 02.09.2023).

¹⁰ Основные положения Программы Русской партии Эстонии [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20070703013403/http://www.rusparty.ee/?smg=15> (дата обращения: 27.08.2023).

¹¹ Никифоров И. Гонка за лидером. Русско-балты встали в очередь в единый русский список [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moles.ee/02/Jun/29/4-2.php> (дата обращения: 06.09.2023).

структуры Европы)¹². Ее преемник – Конституционная партия – поддерживала примат в Эстонии так и не вступившей в силу Конституции Европейского союза и всего массива законодательства ЕС¹³.

Несмотря на отсутствие «жестких» евроскептических элементов в программе этой партии, ей был присущ *ситуативный евроскептицизм* (внезапное появление на временной основе, обычно незадолго до выборов или евроферендума, евроскептической риторики у ранее еврооптимистической политической партии в угоду текущей политической конъюнктуры и ради привлечения электората и общественного внимания). В 2003 г. ОНПЭ была замечена в довольно резком политическом маневрировании. В феврале 2003 г. ее председатель Е. Томберг стал утверждать, что в канун вступления страны в ЕС в Эстонии были предприняты попытки «ликвидировать русскую политику». Он отмечал, что эстонские власти всерьез опасались того, что местные русские жители проголосуют против членства в Евросоюзе, но полагал, что эти опасения являются все же беспочвенными. Е. Томберг подкреплял свою позицию тем, что русскоязычное население страны поддерживает вступление Эстонии в ЕС «даже гораздо активнее, чем этнические эстонцы», обосновывая это тем, что русскоязычные жители ожидают решительных и энергичных действий от Евросоюза, который мог бы коренным образом повлиять на эту прибалтийскую страну с целью окончательного преодоления дискриминационного положения национальных меньшинств¹⁴.

Примерно за один месяц до проведения евроферендума, в августе 2003 г., Е. Томберг неожиданно выступил с громким заявлением о том, что его партия вообще не поддерживает вхождение Эстонии в ЕС¹⁵. Такая риторика шла вразрез с программой ОНПЭ по данному вопросу. Таким образом, партийное руководство, в стремлении привлечь избирателей, вдруг резко поменяло свою прежнюю позицию, пытаясь сыграть на падении уровня поддержки ЕС среди русскоязычного населения Эстонии, а также исходя из укрепляющегося среди них чувства «оторванности» от России. ОНПЭ учитывала и неприятие значительной частью русскоязычных жителей проводящегося эстонскими политическими элитами курса по «демонизации» России.

Однако по прошествии евроферендума «ситуативный» евроскептицизм (или тактико-стратегический евроскептицизм [21]) ОНПЭ практически сошел на нет. Риторика этой партии вновь стала довольно еврооптимистической, когда она призвала привести эстонскую Конституцию и законы в полное соответствие с так и не вступившей в силу Конституцией ЕС¹⁶. В 2008 г. она слилась воедино слевой партией Эстонии: новая политическая сила получила название Объединенной левой партии Эстонии.

¹² Программа Объединенной народной партии Эстонии, с изменениями и дополнениями, принятыми VI съездом ОНПЭ 16 декабря 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20050421143744/http://www.eurp.ee/rus/programm_full.asp (дата обращения: 23.08.2023).

¹³ Программа Конституционной партии [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20080513085336/http://www.kpartei.ee/programma.html> (дата обращения: 13.08.2023).

¹⁴ Томберг Е. Власти боятся «новых граждан» накануне евроферендума [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.delfi.ee/statja/4958781> (дата обращения: 13.08.2023).

¹⁵ Самородный О. Бремя полуверок. Особенности русской политики в Эстонии. Таллин : Vali Press, 2012. С. 155, 162.

¹⁶ О съезде Объединенной Народной партии Эстонии [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20070607020444/http://www.kpartei.ee/index.php?area=1&p=static&page=cjezd> (дата обращения: 15.09.2023).

«Организация Коос указывает на суверенитет». Объединенная левая партия Эстонии решила идти на выборы в Рийгикогу в марте 2023 г. вместе с евроскептическим и популистским движением «Коос – Вместе» (тогда оно, будучи зарегистрированным как некоммерческая организация «Вместе за мир в Эстонии», еще не получило официальную регистрацию в качестве политической партии). Предвыборная программа этого «общественного движения за мир и стабильное развитие Эстонии» характеризовалась евроскептическим настроем и содержала тезисы о необходимости закрепления примата законодательства Эстонии над законодательством ЕС¹⁷. Небольшой результат Объединенной левой партии Эстонии вместе с Коос (2,4 %) на этом последнем волеизъявлении граждан Эстонии в условиях «засилья» в стране неолиберализма был признан «ярчайшим» моментом выборов¹⁸.

В мае 2023 г. движение Коос было наконец официально зарегистрировано в качестве политической партии и получило название «Организация Коос указывает на суверенитет» (далее – Коос). Политическая сила выступает за нормализацию российско-эстонских двусторонних связей, а также придание им дружелюбности. Программа партии предусматривает закрепление за русским языком статуса второго государственного языка в Эстонии; поддержку нацменьшинств в стране; закрепление в Конституции Эстонии избирательных прав на муниципальных выборах для лиц, являющихся гражданами других государств и имеющих постоянный вид на жительство в Эстонии; отмену закона об однополых браках; принятие закона о запрете пропаганды LGBTQ+; закрепление в Конституции Эстонии понятий «семьи» и «брака»; запрет на законодательном уровне русофобских проявлений и введение уголовной ответственности за их применение, использование или же пропаганду; наконец, упразднение института «безгражданства»¹⁹. Выступающую за национальный суверенитет Эстонии от Брюсселя и ее нейтралитет, а также в поддержку возведения со стороны Эстонии надежного «моста» между Западом и Востоком, новую партию в самом прибалтийском государстве незамедлительно назвали «пророссийской».

Центристская партия Эстонии. Входящая в категорию «условно русских» Центристская партия Эстонии (далее – ЦПЭ) традиционно является весьма популярной именно среди национального меньшинства Эстонии – русскоязычных жителей. В ней, помимо «эстонского», всегда существовало мощное и укорененное «русское» крыло. Ее отнесение к стану «условно русских» обусловлено и тем, что за нее на выборах разного уровня традиционно голосует значительное количество местных русскоязычных избирателей. ЦПЭ является выразителем интересов соответствующих *этнофоров*, в рассматриваемом случае – русскоязычных жителей Эстонии [22]. Постепенно разочаровавшиеся в небольших и маргинальных «чисто русских» партиях Эстонии русскоязычные избиратели последовательно переходили в лагерь твердых сторонников этой, во многом

¹⁷ Предвыборная программа «Во имя мира!» [Электронный ресурс]. URL: <https://koos-vmeste.ee/ru> (дата обращения: 02.08.2023).

¹⁸ Loone O. Vasakpartei kõrge tulemus oli tegelikult valimiste üks helgemaid momente [Электронный ресурс]. URL: <https://epl.delfi.ee/artikkel/120154656> (дата обращения: 10.09.2023).

¹⁹ Erakond KOOS organisatsioon osutab suveräänsusele. Poliitiline programm [Электронный ресурс]. URL: https://www.eekoos.ee/party_prog.php?l=1 (дата обращения: 05.09.2023).

прорусской, и даже в чем-то пророссийской еще со времен председателя Э. Сависаара, партии. Ее ряды постепенно пополняли и многие известные русские политики из «чисто русских» партий²⁰. Как внутри Эстонии, так и в Западной Европе, СМИ неизменно продолжают называть ЦПЭ «партией русских»²¹, особенно в свете значительного оттока в январе 2024 г. из нее эстоноязычных членов и появления все большего крена в сторону русскоязычных жителей.

Будучи влиятельной и крупной партией, неоднократно входившей в правительственные коалиции, ЦПЭ внесла свой значительный вклад в формирование евроскептического настроения среди граждан Эстонии перед эстонским евроферендумом, что в целом выглядело как ситуационное политическое лавирование. В партии всегда имелись как сторонники евроинтеграции, так и евроскептики (в том числе и «жесткие»). После евроферендума и вплоть до настоящего времени крупнейшая в Эстонии (по состоянию на январь 2024 г. – 12 792 члена) ЦПЭ стоит на еврореалистических основаниях и поддерживает процессы евроинтеграции. Несмотря на то, что евроскептические заявления практически исчезли из официального партийного дискурса ЦПЭ, у некоторых влиятельных членов партии по-прежнему прослеживаются такие взгляды.

В 2016–2019 гг. среди многих русскоязычных жителей Эстонии стало нарастать некоторое отчуждение от ЦПЭ, в поддержку которой большинство из них традиционно отдавали свои голоса. Это произошло в связи с эрозией статуса ЦПЭ как «всеохватной» партии и снижением позиционирования ее как «политического универсала». Во многом этот процесс был связан и с окончательным прекращением центристами «пророссийского» курса Э. Сависаара. Доверие к партии было подорвано и в связи с неприятием многими русскоязычными избирателями решения центристов сформировать в 2019 г. правительственную коалицию вместе с праворадикальной Консервативной народной партией Эстонии. В последнее время просматривается попытка вытеснения этими эстонскими евроскептиками-радикалами теряющей «прорусскость» ЦПЭ с русского евроскептического поля Эстонии [23]. Теперь уже бывшие сторонники центристов из числа русскоязычных жителей смотрят в сторону евроскептической Консервативной народной партии, но ее частичный возврат к старой и давно отработанной тактике по отношению к русскоязычным жителям после начала проведения нашей страной специальной военной операции и возникновения нового противостояния по линии «Восток и Запад» [24] – возобновление требований о закрытии русских школ в Эстонии, повсеместном сносе мемориалов советским воинам, в том числе памятника Воину-освободителю – продолжают отталкивать от нее русскоязычное население.

Обсуждение и заключение. Результаты проведенного исследования свидетельствуют об исключительно прагматическом характере евроскептического элемента в дискурсе «русских партий» Эстонии, которые желают всяческого улучшения дискриминационного положения русских в Эстонии, налаживания конструктивных и дружеских отношений Эстонии с ее восточным соседом – Россией. Если

²⁰ Mudde C. *Populist Radical Parties in Europe*. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 53.

²¹ Антоненко А. «Партия русских» теряет власть в Эстонии по итогам выборов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-47436332> (дата обращения: 03.09.2023).

сами программы «русских партий» Эстонии часто были довольно умеренными по отношению к ЕС (в них прослеживался «мягкий»/«ситуативный» евроскептицизм или даже еврооптимизм), то в своей риторике и заявлениях (в том числе предвыборных) партийные лидеры таких политических сил время от времени транслировали «жесткий» евроскептицизм в виде эмоционального воздействия на русскоязычный электорат, прибегая к эффективному противопоставлению – *мы* («русскоязычные», «эстоноземельцы», «наша Эстония») и *они* («этнические эстонцы», «далекая от народа Брюссельская верхушка», «бюрократы-еврочиновники», «оторванный от эстонской действительности Евросоюз»).

Если в 1990-е гг. русскоязычные жители Эстонии как национальное меньшинство были настроены в своей массе довольно еврооптимистично, что было связано с их упованием на качественное и основательное улучшение своего незавидного положения после вступления Эстонии в ЕС, то в 2000-х гг. и по мере осознания ими, что какого-то коренного сдвига в этом отношении не предвидится (во многом из-за бездействия самого Брюсселя, вскоре отдавшего решение этого вопроса на откуп Таллину), многие из них переходили в стан «жестких» евроскептиков. Установлено, что к факторам наличия евроскептицизма у русскоязычных жителей Эстонии относятся следующие: опасения относительно продолжения свободного общения с близкими и родными в Российской Федерации и беспрепятственного посещения их; опасения относительно снижения уровня заработной платы и пенсий, неудовлетворенность русскоязычных жителей сохраняющимся в их отношении дискриминационным положением в этой прибалтийской стране; сохранение и поддержание ими тесных культурных, языковых и идеологических связей с соседней Россией, остающейся для многих из них «вторым домом» или «исторической Родиной»; сохраняющаяся лояльность и благожелательное отношение к России у значительной части русскоязычных жителей; наличие в виде России важного альтернативного центра влияния в Прибалтике; все большее разочарование русскоязычных жителей к институтам ЕС и отсутствие какого-либо доверительного отношения к ним; черпание значительной частью русскоязычного населения Эстонии информации из «другого» информационного поля (во многом евроскептического), насыщенного российскими геополитическими нарративами [25] (например, из интернета или российских СМИ [26]).

В настоящее время происходит постепенное снижение числа «жестких» евроскептиков среди русскоязычных жителей Эстонии, что вызвано, к примеру, окончательным прекращением вещания российских телеканалов в Эстонии и значительным усилением так называемой европропаганды из Таллина и Брюсселя, все более активно транслируемой в среде национальных меньшинств, а также продолжающимся процессом «расщепления лояльности» среди русскоязычного населения, все большим причислением их к членам эстонской *этногражданской* нации [27]. Сегодня «русские партии» Эстонии (Коос и частично ЦПЭ) продолжают делать ставку на «мягкий» евроскептицизм, например, на необходимость все большей защиты национальных интересов Эстонии на уровне ЕС. В последние годы наблюдался процесс постепенного вытеснения «русских партий» Эстонии (на примере ЦПЭ) с русского евроскептического поля страны

«эстоно-этнической» КНПЭ, а также частичный перехват ею евроскептической повестки, транслируемой на русскоязычную аудиторию. КНПЭ активно подогревала и распространяла евроскептицизм в преимущественно русскоязычных уездах Эстонии (например, в Ида-Вирумаа).

В среднесрочной перспективе использование «русскими» политическими партиями Эстонии евроскептических лозунгов при ориентации на русскоязычную общину может по-прежнему являться инструментом для мобилизации электората среди русскоязычных граждан. Например, для ЦПЭ применение таких лозунгов в свое время (например, в 2002–2003 гг.) действительно было полезно, но лишь в период «курса Э. Сависаара», ведь впоследствии партия постепенно становилась еврооптимистической, очищаясь от евроскептиков (вспомним исключение в 2022 г. из рядов ЦПЭ влиятельного и популярного евроскептического политика в Ида-Вирумаа М. А. Стальнухина). Все больше русскоязычных избирателей стало отворачиваться от ЦПЭ, партия растеряла значительную часть своих русскоязычных голосов. Для малых маргинальных «русских партий» использование евроскептического инструментария не продемонстрировало не только прорывной успешности или же революционного результата, но и вообще какого-либо толка. Ведь большинство из них, придерживаясь протестных евроскептических деклараций, так в реальности и не приняли участия в «большой политике» Эстонии и не смогли реализовать свою политическую евроскептическую повестку. Например, проблема *неграждан* в Эстонии не решена до сих пор, *Русская культурная автономия* также так и не была зарегистрирована, а ходатайствующим о ее создании (например, РПЭ) традиционно отказывалось в их прошениях: эстонские политические элиты опасались структуризации русскоязычной общины и обретения ею «единства и монолитности»; другим в какой-то мере препятствующим фактором является то, что согласно соответствующему закону от 1993 г. РКА могут создать лишь граждане Эстонии. Наконец, отношения Эстонии с Россией на политическом уровне из года в год демонстрируют все большую недружественность и упадок. Таким образом, небольшие «русские партии» в их «недолгий век» так и не смогли убедить Брюссель повлиять на Эстонию, чтобы успешно (в пользу русскоязычных жителей) разрешить все эти насущные вопросы.

Евроскептическому дискурсу многих «русских партий» Эстонии был присущ довольно неустойчивый и переменчивый характер, а также постоянная модернизация. Высокопоставленные представители многих «русских партий» то подвергали резкой критике европейскую интеграционную модель (по определенным направлениям), то ударялись в еврооптимистическую риторику. Многие официальные программы этих партий по отношению к ЕС демонстрировали сдержанность к Брюсселю и даже еврооптимизм, который впоследствии начал резко контрастировать с партийно-политической практикой и риторикой: вдруг возникал «припрятанный до выборов» конъюнктурный «ситуативный» евроскептицизм, артикулируемый в устных заявлениях влиятельных партийных функционеров (в том числе некоторыми председателями «русских партий»). Таким образом, евроскептицизму разрозненных «русских партий» Эстонии, их игре на традиционно укорененных в среде значительной части русскоязычного

населения этой страны евроскептических воззрениях и *анти-брюссельских* настроениях во многом присущ прикладной, ситуативный и конъюнктурный характер: не многие из них стояли или стоят на евроскептических основаниях до самого конца.

Особо отметим, что в контексте «не подлежащей сомнению» важности членства Эстонии в ЕС, о которой непрестанно заявляют эстонские политические элиты, проблематика евроскептицизма в дискурсе «русских партий» Эстонии как воспринималась ранее, так и будет в среднесрочной перспективе (в случае возможного появления на партийно-политической карте Эстонии новых подобных евроскептических этнических политических сил) восприниматься политическими элитами сквозь призму секьюритизации – в связи с артикулируемым ими наличием у Эстонии геополитических проблем, а также проблем безопасности, вытекающих из географического положения этого государства. Возможное возникновение в этой стране новых «русских» евроскептических партий (например, в дополнение к недавно созданной Koos) расценивается ими как угроза безопасности для Эстонии, ведь Россия традиционно преподносится эстонскими политическими элитами как «основной бенефициар» в процессе укрепления евроскептического стана эстонского *политикума*.

Практическая значимость настоящего исследования заключается не только в использовании полученных в ходе анализа результатов при актуализации внешнеполитического курса России в отношении Эстонии, но и в актуальности прогнозирования дальнейшего развития евроскептицизма «русских партий» Эстонии, в особенности с учетом возникшего в январе 2024 г. глубокого (и обещающего быть затяжным) кризиса в Центристской партии Эстонии: избрание в 2023 г. нового председателя М. Кылварта (выступающего в поддержку эстонских русскоязычных), начавшееся в начале 2024 г. усиление в партии «русского тренда», рост внутрипартийного раскола, отток членов, значительное сокращение фракции ЦПЭ в Рийгикогу и внезапное превращение ее в самую малочисленную в парламенте, некоторое ослабление ее бывшего влияния и даже угроза ее распада, предрекаемая маргинализация ЦПЭ, а также возможное последующее изменение всей политической динамики в Эстонии в целом.

Очевидна и несомненная польза от настоящей работы для развития данного направления исследований, так как статья затрагивает изучение положения российских соотечественников в Эстонии, поддержка которых представляет собой одно из главных направлений деятельности внешней политики Российской Федерации. Значимость исследования основывается и на возможности лучшего понимания модальности политического потенциала евроскептических «русских партий» по отношению к России. Перспективы проведения дальнейших исследований по рассматриваемой тематике заключаются в более предметном и детальном изучении евроскептического нарратива «русских партий» Эстонии (например, его отдельных составляющих), а также в использовании полученных результатов отечественными регионоведами и политологами, изучающими политические процессы на постсоветском пространстве. Статья также будет полезна для широкого круга специалистов, занимающихся прибалтийской проблематикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pettai V. National Identity and Re-Identity in Post-Soviet Estonia // *Journal of Baltic Studies*. 2021. Vol. 52, issue 3. Pp. 425–436. <https://doi.org/10.1080/01629778.2021.1944236>
2. Gorelov D. The Role of 9 May Commemorations in the Discursive Construction of Russophone Identity in Estonia // *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72, issue 1. Pp. 55–79. <https://doi.org/10.1080/0968136.2019.1680608>
3. Chereson P., Estes K. W. Paradoxes of Minority Representation: A Comparison of Russophone Political Attitudes in Estonia and Latvia // *Journal of Baltic Studies*. 2023. Vol. 54, issue 3. Pp. 581–599. <https://doi.org/10.1080/01629778.2022.2150667>
4. Vetik R. E'lite vs. People? Eurosceptic Public Opinion in Estonia // *Cambridge Review of International Affairs*. 2003. Vol. 16, issue 2. Pp. 257–271. <https://doi.org/10.1080/09557570302046>
5. Гаврилова М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // *Политические исследования*. 2004. № 3. С. 127–139. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.03.13>
6. Raik K., Rikmann E. Resisting Domestic and External Pressure towards De-Europeanization of Foreign Policy? The Case of Estonia // *Journal of European Integration*. 2021. Vol. 43, issue 5. Pp. 603–618. <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1927011>
7. Худoley К. К. «Прохладная война» в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии // *Балтийский регион*. 2019. Т. 11, № 3. С. 4–24. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-1>
8. Тамби С. А. Модель «мягкого» и «жесткого» евроскептицизма: эстонский кейс // *Современная Европа*. 2023. № 5. С. 211–219. URL: <http://www.sov-europe.ru/2023-5/model-myagkogo-i-zhestkogo-evroskeptitsizma-estonskij-kejs.html> (дата обращения: 14.09.2023).
9. Узнардов И. М. Евроскептицизм после кризиса // *Современная Европа*. 2015. № 1 (61). С. 26–36. <https://doi.org/10.15211/soveurope120152636>
10. Ланко Д. А., Ланцова И. С. Национализация партийной системы Эстонии в 2005–2019 гг. // *Балтийский регион*. 2020. Т. 12, № 1. С. 16–31. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-2>
11. Шибкова М. О. Популизм и евроскептицизм: соотношение понятий // *Современная Европа*. 2019. № 4 (90). С. 119–128. <https://doi.org/10.15211/soveurope42019119128>
12. Taggart P., Szczerbiak A. Contemporary Euroscepticism in the Party Systems of the European Union Candidate States of Central and Eastern Europe // *European Journal of Political Research*. 2004. Vol. 43, issue 1. Pp. 1–27. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2004.00143.x>
13. Veebel V. Opposing the European Union or Looking for More Reforms: Different Facets of Euroscepticism in Estonia // *Romanian Journal of European Affairs*. 2017. Vol. 17, issue 2. Pp. 89–107. URL: <https://ssrn.com/abstract=3088497> (дата обращения: 14.09.2023).
14. Ehin P., Talving L. Still Second-order? European Elections in the Era of Populism, Extremism, and Euroscepticism // *Politics*. 2021. Vol. 41, issue 4. Pp. 467–485. <https://doi.org/10.1177/0263395720986026>
15. Kuus M. European Integration in Identity Narratives in Estonia: A Quest for Security // *Journal of Peace Research*. 2002. Vol. 39, issue 1. Pp. 91–108. <https://doi.org/10.1177/0022343302039001005>
16. Feldman M. European Integration and the Discourse of National Identity in Estonia // *National Identities*. 2001. Vol. 3, issue 1. Pp. 5–21. <https://doi.org/10.1080/14608940020028466>
17. Wierenga L. Russians, Refugees and Europeans: What Shapes the Discourse of the Conservative People's Party of Estonia? // *Uptake*. 2017. No. 6. 20 p. URL: <https://core.ac.uk/reader/141514828> (дата обращения: 14.09.2023).
18. Bekišas T. Party Positions on the European Union in the Baltic States: Do they Compete? Do they Mirror Voters' Positions? // *Baltic Journal of Political Science*. 2017. No. 6. Pp. 75–93. URL: <https://clck.ru/37npekj> (дата обращения: 14.09.2023).
19. Воротников В. В. Страны Балтии в условиях Врехит: еврооптимизм vs евроскептицизм // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10, № 1. С. 122–140. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-1-122-140>
20. Lawrence T. Estonia: Size Matters // *PRISM*. 2023. Vol. 10, no. 2. Pp. 18–37. URL: <https://www.jstor.org/stable/48718171> (дата обращения: 14.09.2023).
21. Sitter N. The Politics of Opposition and European Integration in Scandinavia: Is Euroscepticism a Government-Opposition Dynamic? // *West European Politics*. 2001. Vol. 24, issue 4. Pp. 22–39. <https://doi.org/10.1080/01402380108425463>

22. Осколков П. В. Этнические партии и этническое голосование: проблемы концептуализации и факторы развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 8. С. 112–118. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-112-118>
23. Braghieri S., Makarychev A. Conservative Populism in Italy and Estonia: Playing the Multicultural Card and Engaging “Domestic Others” // *East European Politics*. 2023. Vol. 39, issue 1. Pp. 128–149. <https://doi.org/10.1080/21599165.2022.2077725>
24. Khudoley K. New Russia-West Confrontation: War of Attrition or Escalation? // *Strategic Analysis*. 2022. Vol. 46, issue 6. Pp. 571–584. <https://doi.org/10.1080/09700161.2022.2149980>
25. Vihalemm T., Juzefovičs J. Sense-making of Conflicting Political News among Baltic Russian-speaking Audiences // *National Identities*. 2021. Vol. 23, issue 3. Pp. 253–275. <https://doi.org/10.1080/14608944.2020.1723512>
26. Erbsen H. Orientalism and Russian Speaking Minority Regions in Europe: Representing Narva // *National Identities*. 2020. Vol. 22, issue 2. Pp. 151–172. <https://doi.org/10.1080/14608944.2019.1600485>
27. Osolkov P. Estonianness in the Making: Transformations of Ethnic Democracy Model and Nationalism in Estonia // *Ethnopolitics*. 2023. Article no. 2216981. <https://doi.org/10.1080/17449057.2023.2216981>

Поступила в редакцию 04.10.2023; поступила после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 14.12.2023.

Об авторе:

Тамби Сергей Александрович, соискатель кафедры интеграционных процессов Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (119454, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5018-6574>, Researcher ID: GWU-9203-2022, Scopus ID: 58678102800, sergey.tambi@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Pettai V. National Identity and Re-Identity in Post-Soviet Estonia. *Journal of Baltic Studies*. 2021;52(3):425–436. <https://doi.org/10.1080/01629778.2021.1944236>
2. Gorelov D. The Role of 9 May Commemorations in the Discursive Construction of Russophone Identity in Estonia. *Europe-Asia Studies*. 2020;72(1):55–79. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1680608>
3. Chereson P., Estes K. W. Paradoxes of Minority Representation: A Comparison of Russophone Political Attitudes in Estonia and Latvia. *Journal of Baltic Studies*. 2023;54(3):581–599. <https://doi.org/10.1080/01629778.2022.2150667>
4. Vetik R. E'lite vs. People? Eurosceptic Public Opinion in Estonia. *Cambridge Review of International Affairs*. 2003;16(2):257–271. <https://doi.org/10.1080/09557570302046>
5. Gavrilova M. V. Political Discourse as Object of Linguistic Analysis. *Polis. Political Studies* 2004;(3):127–139. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.03.13>
6. Raik K., Rikmann E. Resisting Domestic and External Pressure Towards De-Europeanization of Foreign Policy? The Case of Estonia. *Journal of European Integration*. 2021;43(5):603–618. <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1927011>
7. Khudoley K.K. The ‘Cool War’ in the Baltic Sea Region: Consequences and Future Scenarios. *Baltic Region*. 2019;11(3):4–24. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-1>
8. Tambi S.A. Model of “Soft” and “Hard” Euroscepticism: Estonian Case. *Contemporary Europe*. 2023;(5):211–219. Available at: <http://www.sov-europe.ru/2023-5/model-myagkogo-i-zhestkogo-evroskeptsizma-estonskij-kejs.html> (accessed 14.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
9. Uznarodov I.M. Euroscepticism after the Crisis. *Contemporary Europe*. 2015;(1):26–36. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/soveurope120152636>
10. Lanko D.A., Lantsova I.S. Party System Nationalization in Estonia, 2005–2019. *Baltic Region*. 2020;12(1):16–31. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-2>

11. Shibkova M.O. Populism and Euroscepticism: Correlation of Notions. *Contemporary Europe*. 2019;(4):119–128. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/soveurope42019119128>
12. Taggart P., Szczepiak A. Contemporary Euroscepticism in the Party Systems of the European Union Candidate States of Central and Eastern Europe. *European Journal of Political Research*. 2004;43(1):1–27. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2004.00143.x>
13. Veebel V. Opposing the European Union or Looking for More Reforms: Different Facets of Euroscepticism in Estonia. *Romanian Journal of European Affairs*. 2017;17(2):89–107. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3088497> (accessed 14.09.2023).
14. Ehin P., Talving L. Still Second-Order? European Elections in the Era of Populism, Extremism, and Euroscepticism. *Politics*. 2021;41(4):467–485. <https://doi.org/10.1177/0263395720986026>
15. Kuus M. European Integration in Identity Narratives in Estonia: A Quest for Security. *Journal of Peace Research*. 2002;39(1):91–108. <https://doi.org/10.1177/0022343302039001005>
16. Feldman M. European Integration and the Discourse of National Identity in Estonia. *National Identities*. 2001;3(1):5–21. <https://doi.org/10.1080/14608940020028466>
17. Wierenga L. Russians, Refugees and Europeans: What Shapes the Discourse of the Conservative People's Party of Estonia? Uptake. 2017;6. Available at: <https://core.ac.uk/reader/141514828> (accessed 14.09.2023).
18. Bekišas T. Party Positions on the European Union in the Baltic States: Do they Compete? Do They Mirror Voters' Positions? *Baltic Journal of Political Science*. 2017;(6):75–93. Available at: <https://clck.ru/37npkj> (accessed 14.09.2023).
19. Vorotnikov V.V. The Baltic States in the Context of Brexit: Euro-Optimism vs Euroscepticism. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2017;10(1):122–140. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-1-122-140>
20. Lawrence T. Estonia: Size Matters. *PRISM*. 2023;10(2):18–37. Available at: <https://www.jstor.org/stable/48718171> (accessed 14.09.2023)
21. Sitter N. The Politics of Opposition and European Integration in Scandinavia: is Euroscepticism a Government-Opposition Dynamic? *West European Politics*. 2001;24(4):22–39. <https://doi.org/10.1080/01402380108425463>
22. Oskolkov P.V. Ethnic Parties and Ethnic Voting: Conceptualization Problems and Development Factors. *World Economy and International Relations*. 2020;64(8):112–118. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-112-118>
23. Braghiroli S., Makarychev A. Conservative Populism in Italy and Estonia: Playing the Multi-cultural Card and Engaging “Domestic Others”. *East European Politics*. 2023;39(1):128–149. <https://doi.org/10.1080/21599165.2022.2077725>
24. Khudoley K. New Russia-West Confrontation: War of Attrition or Escalation? *Strategic Analysis*. 2022;46(6):571–584. <https://doi.org/10.1080/09700161.2022.2149980>
25. Vihalemm T., Juzefovičs J. Sense-Making of Conflicting Political News among Baltic Russian-speaking Audiences. *National Identities*. 2021;23(3):253–275. <https://doi.org/10.1080/14608944.2020.1723512>
26. Erbsen H. Orientalism and Russian Speaking Minority Regions in Europe: Representing Narva. *National Identities*. 2020;22(2):151–172. <https://doi.org/10.1080/14608944.2019.1600485>
27. Oskolkov P. Estonianness in the Making: Transformations of Ethnic Democracy Model and Nationalism in Estonia. *Ethnopolitics*. 2023;2216981. <https://doi.org/10.1080/17449057.2023.2216981>

Submitted 04.10.2023; revised 05.12.2023; accepted 14.12.2023.

About the author:

Sergey A. Tambi, Candidate for a Degree, Department for Integration Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76 Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5018-6574>, Researcher ID: GWU-9203-2022, Scopus ID: 58678102800, sergey.tambi@gmail.com

The author read and approved the final manuscript.